Трансграничные польско-белорусские языковые контакты по материалам полевых исследований

В статье представлены промежуточные результаты исследования языковых контактов в малоизученном узком ареале польско-белорусского и белорусско-польского пограничья. Обращено внимание на его специфику, представлена социолингвистическая характеристика и выделенные языковые коды, проиллюстрированные диалектным материалом. Материал для исследования был собран в 2015-2019 годах при реализации индивидуального исследовательского проекта, в процессе единоличных полевых экспедиций, которые в 2017-2019 годах осуществлялись в сотрудничестве с Этнографическим музеем Кракова. Исследовательский интерес к данному ареалу был вызван его малоизученностью, труднодоступностью и наличием населенных пунктов, жители которых идентифицируют себя как польскую шляхту. Территория, на которой проводились полевые экспедиции, более пятисот лет являлась частью одного участка Гродненского уезда, государственная граница разделила его в 1948 году. Неравномерные процессы заселения приграничья ввиду его ландшафтных особенностей, а также исторические и политические факторы повлияли на формирование в исследуемом ареале сложной социолингвистической ситуации. В настоящее время в нем проживают представители православной и католической конфессии, преимущественно поляки и белорусы по национальности, являющиеся потомками крестьян и малоземельной шляхты. В статье рассмотрены языковые коды, которыми пользуются их носители («па-польску», «па-просту», «пабеларуску»), представлены языковые особенности, а также диалектный материал, иллюстрирующий каждый из кодов. Высказаны методологические замечания по проведению диалектных исследований на трансграничных территориях. Промежуточные результаты проведенного исследования позволяют констатировать, что в исследуемом ареале преобладает продуктивный билингвизм с диглоссией, а социолингвистическую ситуацию определяют как экзоглоссную, несбалансированную, четырехкомпонентную.

Ключевые слова: польско-белорусские языковые контакты, методология диалектных исследований, польско-белорусское пограничье, Гродненшина

Введение

Целью статьи является представление промежуточных результатов исследования языковых контактов в узком ареале польско-белорусского и белорусско-польского пограничья¹, являющимся своеобразной terra incognita, в том числе в диалектных исследованиях. Мы обратим внимание на его специфику, представим социолингвистическую характеристику и выделенные нами языковые коды, которые проиллюстрируем диалектным материалом. Материал для исследования был собран в 2015–2019 годах при реализации индивидуального исследовательского проекта, в процессе единоличных полевых экспедиций, которые в 2017–2019 годах осуществлялись в сотрудничестве с Этнографическим музеем Кракова.

Исследовательский интерес к представленному ареалу изначально был продиктован несколькими факторами: его малоизученностью, труднодоступностью и наличием населенных пунктов, жители которых идентифицируют себя как польскую шляхту. Полевые экспедиции расширили область исследований, акцентируя внимание также на проблематике исторического многоязычия и трансграничных языковых контактов, поскольку засвидетельствовали выраженную корреляцию между современной социолингвистической ситуацией и историческими процессами освоения этой территории, а также особенностями ее сословной составляющей.

Теоретические и методологические замечания

Теория и методология исследований языковых контактов на пограничье представлены в предметной литературе достаточно широко [Thomason 2001]. Поскольку целью нашей статьи является презентация практических результатов полевых экспедиций, мы обратим внимание только на избранные теоретические положения. Исследования на пограничных территориях требуют от исследователя владения понятиями лингвистического дискурса из области ареальной лингвистики, диалектологии, культурной лингвистики и социолингвистики. Основными из них являются: мультилингвизм; semi-communication [Haugen 1966: 280–297]; билингвизм как альтернативное использование двух языков [Weinreich 1953], в том числе искусственный [Гавранек 1972: 97], чистый и смешанный [Щерба 1974: 313–318], ак-

¹ В связи с этим мы акцентируем внимание исключительно на полевых материалах, без описания богатой предметной литературы, посвященной польско-белорусскому пограничью [Konczewska 2021].

тивный [Крысин 2004: 468–474], продуктивный и рецептивный; диглоссия [Ferguson 1959: 325–340, Fishman 1967: 29–38]; концепция сферы, domain of language behavior [Fishman 1965: 67–88] и среды [Аврорин 1975: 26–37] употребления языка; примарный и секундарный язык; lingua receptiva (LaRa) [Thije 2013: 137–139]; lingua franca; языковая интерференция, переключение кодов (code-switching). Однако необходимо осознавать, что универсальные понятия, выработанные на протяжении нескольких десятилетий на основании наблюдений контактов различных языков мира, не всегда находят применение в сложных реалиях пограничья, о котором Кшиштоф Заяс метко заметил, что это «наше специфическое, центральноевропейское изобретение, которое получило свою популярность благодаря многозначности самого термина "пограничье", несущего коннотации не только пространственные, но и культурные, общественно-политические, языковые, а даже экзистенциальные»² [Zajas 2012: 7–8] и которое упрямо сопротивляется какой-либо концептуализации.

Валерий Чекман [Чекман 1982: 123-138], который одним из первых, наряду с Вячеславом Вереничем, инициировал исследование польских говоров белорусско-польского пограничья, предложил разделение их структуры на вертикальную (степень интенсивности, сфера употребления говоров и количество тех, кто ими пользуется в конкретной местности) и горизонтальную (географический ареал определенных характеристик). Он утверждал, что одни и те же языковые свойства, зафиксированные в разных населенных пунктах, могут иметь различные социолингвистические параметры, и поэтому восприятие их как идентичных может привести к ошибочной интерпретации. По-прежнему актуальными являются и те задачи, которые Валерий Чекман выделял как приоритетные в исследовании пограничных говоров: 1) определение уже не существующего языкового субстрата; 2) диахроническая интерпретация полилингвистических ситуаций с целью определения, какой из языков является субстратом, какой адстратом, а какой — суперстратом; 3) реконструкция исторической социолингвистической ситуации; 4) разграничение субституции и реминисценции как различных понятий интерференции; 5) определение степени взаимовлияния языков, контактирующих на различных языковых уровнях; 6) понимание особенностей социолингвистической ситуации в населенных пунктах различного типа: с пришлым населением, в бывших шляхетских поселениях, деревнях, колониях; 7) определение специфики разных поколений

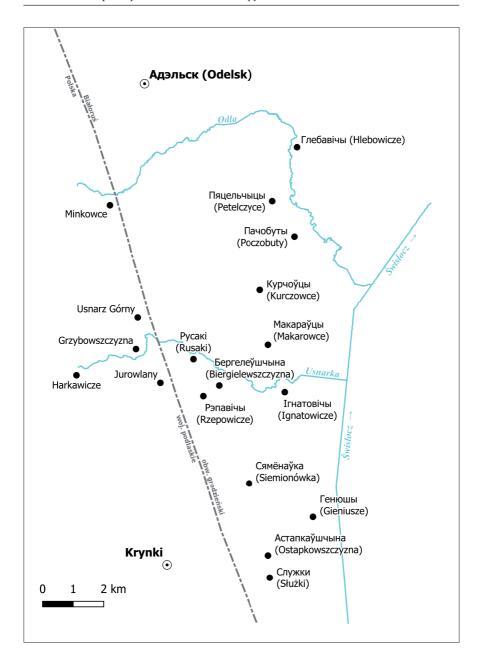
 $^{^{2}}$ Все переводы в статье выполнены ее автором.

в одинаковой социолингвистической ситуации с целью ее диахронического описания. С точки зрения методологии весьма важным является постулат Валерия Чекмана об обязательной проверке актуальной социолингвистической ситуации, декларированной ее непосредственными участниками. Необходимо также помнить о том, что исследователь и информатор часто оперируют различными категориями, и принимать это во внимание во время опросов. По нашему мнению, для полевых исследований на пограничных территориях наиболее продуктивным способом анализа является перспектива *emic* (информаторов), которая позволяет понять культуру локуса «изнутри» [Wróblewski 2007: 80], потому как базируется на понятиях самих информаторов. В свою очередь, перспектива *etic* (исследователя) основывается на понятиях исследователя, являющегося всего лишь внешним наблюдателем и часто не понимающего специфичности данного локуса.

Важным является также определение терминологического статуса польско-белорусского и белорусско-польского пограничья. Наиболее часто в англоязычной литературе используется определение border / borderland, а в польской — kresy. По нашему мнению, использование исключительно этих понятий значительно сужает исследовательское поле и не отражает всей сложности и специфичности данного ареала, поэтому видится необходимым обращение к более разнообразной номенклатуре. В предметной литературе есть несколько типологий пограничья. Наше внимание привлекла классификация Збигнева Рыкеля, который выделяет следующие концепции [Rykiel 2011: 56-58]: граница (англ. boundary) как объект политический, линеарный и формальный; пограничье как зональный объект, подразделяющийся на узкое (англ. border) и широкое (англ. borderland); приграничье как зональный объект, который, в отличие от пограничья, находится по обеим сторонам границы (фр. transfrontalier); рубеж (англ. *limit*) как неформализированная зона столкновения либо затухания явления, природный либо культурный объект, в отличие от границы как объекта политического. То, что в польской традиции определяется как *kresy*, автор предлагает трактовать как субэкумену.

Ареал исследования

В связи с вышеизложенным мы считаем, что ареал нашего исследования, то есть территорию, находящуюся по обе стороны современной польско-белорусской и белорусско-польской границы, адекватнее было бы именовать именно *transfrontalier* (в определенной степени соответ-

ствующее английскому cross-border), несмотря на непопулярность этого термина в предметной литературе. Приведем следующие аргументы. Данный субрегион продолжительное время находился в составе Гродненского уезда, существовавшего в 1413–1939 годах. В І Речи Посполитой он являлся территориальной единицей Трокского воеводства Великого княжества Литовского. В 1588 году здесь была образована Гродненская экономия, и с конца XVI века территория уезда оставалась неизменной до разделов Речи Посполитой. В 1795 году, после третьего раздела, северо-западная часть уезда была включена в состав Прусской империи, а остальная территория — в состав Российской. Во времена II Речи Посполитой, в 1921 году, Гродненский уезд, сохранивший с незначительными изменениями свои границы, вошел в состав Белостокского воеводства. С сентября 1939 года он находился уже на советской территории, с июня 1941-го был под немецкой оккупацией, в 1944 году повторно вошел в состав Советского Союза³, а граница между польской и белорусской территориями была окончательно установлена только в 1948 году.

Белорусский писатель Сократ Янович, проживавший в местечке Крынки, так вспоминал эту многократную смену государств и властей:

В 1936 г. я увеличил число граждан Речи Посполитой. Спустя три года моей большой родиной стал Советский Союз, а еще через два года я очутился уже в новой Восточной Пруссии, то есть в Германской империи, занявшей эти земли. Бегая все время по тем же переулкам своего городка или купаясь в речушке Крынка, не передвигаясь никуда далее, чем пригорок Профитка на краю горизонта, я как бы совершил несколько заграничных путешествий... Различные родины поглощали мою единственную малую [Janowicz 1993: 45].

В настоящее время территория бывшего Гродненского уезда входит в состав нескольких государств: Польши (окрестности Крынок и Крушинян), Литвы (окрестности Друскенинкая) и Беларуси (Берестовицкий, Волковысский, Гродненский и Мостовский районы). Современная граница, которая неоднократно менялась после Второй мировой войны, поделила территорию с более чем пятисотлетней совместной историей и традициями. Именно поэтому, по нашему мнению, для большей результативности исследований необходимо принимать во внимание историческую целостность трансграничного субрегиона.

³ Именно поэтому на пограничье существуют такие темпоральные категории, как «за первыми Советами» и «за вторыми Советами».

Территорией моих полевых экспедиций является узкий ареал по обеим сторонам границы, между давними местечками Крынки (в настоящее время на территории Польши), Одельск и Индура (оба на территории Беларуси). Его выбор был продиктован следующими причинами: 1) он до сих пор является малоизученным; 2) ввиду представленных выше исторических процессов его заселяют представители разных национальностей, вероисповеданий и сословий; 3) приграничный характер повлиял на его архаичность, что повышает вероятность аутентичности собранного материала; 4) здесь расположено одно из трех сохранившихся до наших дней компактных поселений гродненской шляхты⁴. Преимущественно это была территория бывшего Уснарского прихода, существующего с 1795 года. В его пределах было зафиксировано несколько топонимов с компонентом Уснаж (Уснар). Уснаж Верхний (Usnarz Górny) в настоящее время находится на территории Польши, в сельсовете Шудялово Сокольского района Белостокской области. Уснаж Нижний как хутор существует в списке населенных пунктов Берестовицкого района Гродненской области Беларуси. Его довоенные жители во время установления границы в 1946 году перешли на польскую сторону в православную деревню Юровляны, жители которой были насильно вывезены на белорусскую территорию. Уснаж Мурованный являлся усадьбой дворянского рода Чечоттов; сожженный во время последней войны, в настоящее время он является частью католической деревни Курчевцы на территории Беларуси. Усадьба Уснаж Макаровцы располагалась около деревни Макаровцы. Ее владельцем был род Панцежинских, построивший для своих подданных католическую церковь, а новый приход, получивший название от усадьбы, обрел статус самостоятельного в начале XX века. В его состав входили населенные пункты, которые в настоящее время располагаются по обе стороны границы.

Необходимо подчеркнуть, что процесс заселения этих ятвяжских некогда территорий⁵ был медленный и неравномерный по причине их труднодоступности: большую часть занимала пуща. Актуальная сложная социолингвистическая ситуация субрегиона является следствием этих процессов, а также исторических и политических событий.

⁴ Местность, в которой проживают потомки малоземельной шляхты, называется «околица». Результаты исследования околиц данной группы: [Konczewska 2016: 43–57, Konczewska 2019: 183–199].

⁵ Наиболее полное его представление: [Wiśniewski 1964: 115–135].

Социолингвистические факторы

Представленное пограничье является уникальным субрегионом, культурная самоидентичность которого сформировалась под влиянием того, что оно являлось местом встречи трех монотеистических религий: христианства, ашкеназийского иудаизма, ислама. К тому же разделение на христианство восточное (православие) и западное (католицизм) проходило вдоль всего региона. Момент столкновения в данном ареале двух христианских вероисповеданий, римско-католического мазовшан и ортодоксического русинов, соответствует схизме 1054 г.

Ян Якубовский, характеризуя социолингвистическую ситуацию Гродненского уезда в XVI веке, когда основной процесс заселения ареала подходил к концу, на основании географической номенклатуры делал вывод об «однородном, белорусском характере сельского населения» [Jakubowski 1935: 102]. Ученый отмечал наличие в данном субрегионе топонимов литовской этимологии и обращал внимание на поселения малоземельной шляхты с русскими и литовскими родовыми фамилиями⁶, определяя этнический состав центральной части уезда как смешанный литовско-белорусский, с численным преобладанием белорусского элемента. «Устава на волоки» (XVI век) закрепила поселения так называемых «путных бояр», память о которых сохранилась в многочисленных топонимах и антропонимах субрегиона. Наплыв мазовецкой мелкопоместной шляхты и будников начался в XIV веке в результате первых польско-литовских уний, а после Люблинской унии 1569 года значительно усилился. Заметим, что в данном ареале компактно проживали также татары, которым даровали земли Витольд (XIV век, территории у реки Лососна около Гродно, сейчас Беларусь) и Ян III Собеский (XVII век, деревня Крушиняны, сейчас Польша). С XIV века в этой части Великого княжества Литовского стали селиться евреи. В представленном ареале они проживали в местечках Индура, Крынки и Одельск; под Одельском до 1941 г. существовала еврейская Колония Исаака, жители которой занимались земледелием.

Таким образом, к XVII веку данный ареал сформировался как многонациональный (литвины, русины, поляки, евреи, татары), многоконфессиональный (православие, католицизм, ислам, иудаизм) и многосословный (бояре, крестьяне, шляхта). Татары весьма быстро ассимилировались

 $^{^6\:}$ Им посвятила исследование Юлия Гурская [Гурская 2012: 142—150, Гурская 2014: 182—206].

с местным населением⁷. Следствием разделов Речи Посполитой и инкорпорирования ее восточной территории в XVIII веке в состав Российской империи была деполонизация и русификация⁸. Следствием Холокоста Второй мировой войны стало практически полное истребление еврейской общины и элиминирование ее из социолингвистического ландшафта субрегиона. С послевоенным установлением советской власти на белорусской территории началась тотальная русификация⁹, а часть населения, идентифицирующего себя как поляки, выехала в Польшу.

В настоящее время в границах исследуемого ареала проживают представители православной и католической конфессии, преимущественно поляки и белорусы по национальности, являющиеся потомками крестьян и малоземельной шляхты. На карте с промежуточного этапа полевых экспедиций представлены: Бергелевщина, Глебовичи, Грибовщина (Grzybowszczyzna), Игнатовичи, Петельчицы, Почебуты, Реповичи, Уснаж Верхний (Usnarz Górny)¹⁰ — шляхетские околицы. Гаркавичи (Harkawicze), Русаки, Семеновка — православные деревни. Гениюши, Курчевцы, Макаровцы, Минковцы (Minkowce), Служки, Остапковщина — католические деревни. Деревня Юровляны (Jurowlany) до войны была православной, на ее территории сохранилась православная церковь и часовня на кладбище (ранее униатские), однако все жители были насильно вывезены сразу после окончания войны на белорусскую территорию, а в деревню перешли жители из других деревень, в том числе шляхта из Уснажа Нижнего. В деревне Гениюши, кроме крестьянских подворий, ранее находилась также шляхетская усадьба.

Важной составляющей национальной идентичности на этой территории всегда был язык. Отсюда твердая самоидентификация: польский язык — поляки, шляхта; «простая речь» — крестьяне, «тутэйшыя». Основным критерием самоопределения до сих пор остается локальность: «свои» всегда были родственники и соседи, живущие в течение нескольких поколений в данной местности¹¹. Вопреки устоявшемуся мнению, что на данной терри-

 $^{^{7}\;\;}$ В настоящее время наблюдается возрождение татарской общины на польской территории, в деревне Крушиняны.

⁸ Приостановленная в период II Речи Посполитой.

 $^{^{9}\;\;{}m B}\;{
m c}$ вою очередь, на польской территории имела место полонизация белорусского местного населения.

 $^{^{10}~{}m B}$ данном населенном пункте шляхетская усадьба расположена на окраине деревни с католическим населением.

¹¹ Этот важный элемент самоидентификации засвидетельствовали современные социологические исследования Ежи Никиторовича, проводимые среди молодежи на

тории религиозное самосознание превалировало над национальным (этническим), повлиявшему на определения «русская» и «польская» вера, эти понятия вовсе не были идентичны. Евгений Ромер в комментариях к переписи населения в 1919 году¹² так представил данную проблематику:

На всей территории [...] существует очень тесная корреляция между вероисповеданием и национальностью. Католики являются представителями польской и литовской национальностей, православные — белорусской и русской. Католики белорусского происхождения в значительной степени определились как поляки. Однако в этих общих рамках взаимоотношений между вероисповеданием и национальностью проявляются различные модификации, являющиеся выразительным признаком влияния востока и запада на понятие национальности и на тенденции самоопределения своей национальности без оглядки на веру и этническое происхождение [Romer 1920: 8].

Проведенный Ромером весьма тщательный и непредвзятый анализ результатов переписи, в которой впервые были приняты во внимание и национальные, и конфессиональные факторы, был необычайно важен в ситуации, когда царские власти не признавали белорусской нации, а значительная часть польской интеллигенции считала белорусов «польским людом кресовым». Профессор Дэн Дурэнд из Миннеаполиса, которого Ромер попросил дать оценку научного и методологического уровня переписи, в своей рецензии обратил внимание на то, что о высоком качестве исследования свидетельствует факт, что «многие из католиков определили свою национальность как русскую, а многие из православных — как польскую» [Romer 1920: 11].

Необходимо принимать во внимание, что на приграничных территориях самоидентификация не всегда является константой и часто варьируется. Халина Русэк отмечала, что на пограничье формируется специфическая пограничная идентичность, а его жители находятся «в нескольких измерениях культуры, чувствуя себя укоренившимися в каждом из них, в большей или меньшей степени» [Rusek 2003: 8]. Чаба Киш обращал вни-

польско-белорусском и польско-украинском пограничье, а также в Польше, Беларуси и Украине. Понятие «родина» во всех местах исследования ассоциировалось прежде всего с местом рождения, и только на польско-белорусском пограничье — с домом и семьей, с ближайшим окружением [Nikitorowicz 2000: 81].

¹² Данная перепись охватила всю территорию так называемых Восточных земель, то есть Гродненскую губернию за исключением Белостокского, Бельского и Сокольского уездов, всю Виленскую губернию за исключением части Трокского уезда и часть Минской губернии на запад от Березины.

мание на то, что житель пограничья мог «часто выбирать между различными национальными самоопределениями, ассимилироваться с той или иной группой, как бессознательно, так и под влиянием экономического либо политического принуждения» [Kiss 2009: 135], а Клаудио Магрис писал, что пограничная самоидентичность «напоминает матрешку: одна содержит в себе другую, а сама, в свою очередь, помещается в большей» [Маgris 2016: 271]. Всю сложность исследования пограничья емко определила Юстына Страчук, которая в конце девяностых годов XX века проводила полевые экспедиции в Щучинском и Лидском районах Гродненской области: «Каждый житель этой территории, со своим индивидуальным происхождением, жизненным опытом, общественной средой, несет в себе отдельную ситуацию пограничья, которую можно описать только идиосинкратически, а не системно» [Straczuk 2006: 8].

В связи с вышеизложенным мы считаем очень важной задачей добыть от собеседника информацию, которая позволяет установить, что на самом деле скрывается за: 1) самоидентификацией информатора с конкретной национальностью; 2) сменой национальности, осуществленной информатором или каким-либо поколением его семьи; 3) противоречием между декларацией и самоидентификацией в зависимости от политической или экономической конъюнктуры.

Именно социолингвистические методы исследования¹³ позволяют, по нашему мнению, наиболее адекватно и объективно отобразить специфику языковой ситуации пограничья.

Языковые коды

Представленные исторические и политические события повлияли на сложную языковую ситуацию пограничья. Сократ Янович так описывал языки своего детства в Крынках:

Белорусский считался нормальным в ежедневном существовании, русский был к месту в церкви и при общении с Богом, польский замечательно повышал ценность личности в ее желаниях возвыситься над окружающими, понемецки писали прошения разным «амтам» или письма к мужьям и отцам в

¹³ Наилучшими методами исследования, по нашему мнению, являются те, которые приносят результат «здесь и сейчас». Мартин Хаммерсли и Пол Аткинсон обращали внимание, что не существует каталога правил и удачных рецептов для удачных полевых исследований, есть только дискуссии на тему основных методологических положений [Hammersley, Atkinson 2000].

плену где-нибудь в Саксонии или Пруссии, украинский подходил для анекдотов. Почти пятиязычие провоцировало шизофреническое расщепление сознания, а на практике заканчивалось тем, что в меру пристойно не умели изъясняться ни на одном из перечисленных языков [Janowicz 1993: 61].

В связи со специфичностью исследуемого ареала представляется оптимальным предварительное изучение его по архивным документам, что позволяет установить историческую социолингвистическую ситуацию. С целью адекватного определения актуальной ситуации мы предлагаем информаторам следующие темы беседы: 1) ситуация выбора конкретного языка, субъективная оценка его правильности, отношение к другим языкам; 2) национальная и конфессиональная самоидентификация; 3) история микросообщества и локуса; 4) традиции и обычаи; 5) семейная и соседская жизнь; 6) современные реалии. Такой широкий реестр помогает определить ситуации диглоссии, а свободные, спонтанные высказывания информаторов делают собранный материал более достоверным.

С целью определения языковых кодов¹⁴ мы принимаем во внимание следующие факторы: 1) какие языковые коды функционируют в данном локусе, являются ли они самостоятельными либо интерферентными, и в какой степени; 2) как относятся к этим кодам их носители; 3) каков уровень лингвистической компетенции носителей каждого кода; 4) каким образом происходит выбор кода в различных коммуникативных ситуациях.

Необходимо учитывать также ряд экстралингвистических факторов, а именно: возраст, образование, национальность, вероисповедание, социальное положение информатора, а также тип поселения, в котором он проживает: деревня (православная, католическая) или шляхетская околица.

В исследуемом нами ареале наиболее часто встречается индивидуальный билингвизм, иногда мультилингвизм, при одновременной диглоссии, то есть билингвизм диглоссического типа (преимущественно у старшего поколения). Реже один или два языка используются попеременно без каких-либо правил употребления, связанных с социальными ограничениями (преимущественно у среднего поколения с минимальным образованием). Выбор языкового кода¹⁵ зависит прежде всего от социального фактора и административного положения:

Белорусские православные деревни: активно «па-просту» («простая речь»), пассивно: «па-польску».

¹⁴ Коммуникативные коды в ином ареале польско-белорусского пограничья описала Ольга Дивина [2007: 355–368].

¹⁵ Мы представляем коды, которыми оперируют сами информаторы.

Белорусские католические деревни: активно «па-просту», менее активно «па-польску».

Польские православные деревни: активно «па-польску», «па-просту», менее активно «па-беларуску».

Польские католические деревни: активно «па-польску», «па-просту». Белорусские и польские шляхетские околицы: активно «па-польску», менее активно «па-просту».

Выбор кода зависит от темы общения и адресата, переключение часто происходит автоматически. Так, в шляхетских околицах на белорусской территории для общения внутри своего социального окружения используется польский язык: my wszyscy po polsku pięknie rozmawiali; język mój od dzieciństwa trochę delikatniejszy, w domu i tu w okolicy wszyscy mówili tylko po polsku; po polsku zawsze rozmawiali między sobą; tu wszędzie była szlachta i rozmawiali po polsku. Отметим, что в среде представителей польской шляхты принято учить польскому языку (как устному, так и письменному) детей и внуков, потому что в этом случае польский язык является важным идентификатором не только национальной, но и социальной принадлежности¹⁶. Информаторы свидетельствуют, что вплоть до начала шестидесятых годов XX века, до установления колхозов, жители католических деревень и шляхетских околиц практически не общались, а в настоящее время в контактах с жителями соседних деревень (как католических, так и православных) способом общения является код «па-просту»: na wsi to oni tak jakoś grubo rozmawiali; tam inaczej rozmawiali, nie było tak, że jednakowo; zawsze była różnica w mowie, wiejski człowiek i szlachta. Для жителей католических деревень на белорусской территории языком домашнего и соседского общения является прежде всего код «па-просту», однако в сакральной сфере¹⁷ обязательным является польский, на нем также принято обращаться к священнослужителям; польским пользуются и в семейно-обрядовой сфере: свадьбы, похороны. В польском языке жителей католических деревень высок уровень белорусской интерференции¹⁸ на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях. Его пользователи преимущественно

¹⁶ Результаты наших полевых исследований позволяют вступить в дискуссию с Василием Денисовичем Стариченком, утверждающим, что в белорусско-литовско-польском регионе польский язык «приобрел имплицитную форму и сохраняется в памяти людей старшего возраста» [Стариченок 2011: 63].

¹⁷ Отметим, что польский является также языком эпитафий на католических кладбищах, независимо от периода захоронения.

¹⁸ О распространении белорусского ареального влияния на территории северовосточной Польши писала Наталья Снегирева [2013: 50–71].

владеют только устной формой языка, поэтому часто можно встретить молитвы или похоронные песни на польском языке, записанные кириллицей. В свою очередь, в католических деревнях на польской территории языком общения в силу административной принадлежности является польский, но в беседах на темы о ведении хозяйства и ремеслах информаторы часто переключаются на код «па-просту». В православных деревнях на белорусской территории в коде «па-просту» отмечается большая частотность русицизмов (также под влиянием языка сакральной сферы), а в православных деревнях на польской территории в повседневном быту пользуются кодом «па-просту» с нечастыми полонизмами, отделяя его от кода «пабеларуску». Подчеркнем, что код «па-просту» может варьироваться¹⁹: это могут быть и гродненские белорусские говоры²⁰ с полонизмами, и подляшские польские говоры с белорусизмами (Oni rozmawiają po polsku, ale tak wiec po prostu, gruby taki akcent u nich). Для информаторов код «па-просту» — это язык, на котором общаются жители данной местности (nie po bialorusku, ale po prostu). Он может отличаться от языка в соседней деревне, а попытка его системного описания, по нашему мнению, требует использования квантитативных методов. Необходимо отметить и своеобразный «языковой этикет» пограничья: его жители отвечают собеседнику извне на том языке, на котором он к ним обратился. Это иногда влияет на исследовательскую интерпретацию языковой ситуации, поэтому более целесообразно не только беседовать с информаторами на «высокие» и «низкие» темы, но и понаблюдать за различными коммуникативными ситуациями.

Языковые особенности кодов²¹

В белорусских говорах исследуемого ареала наблюдается значительное количество полонизмов. Поскольку ввиду структуральных особенностей белорусского и русского языков квалификация заимствований далеко не однозначна, обратим внимание только на лексические, а имен-

¹⁹ Ввиду ненормативности данный код находится в центре внимания не только польских или белорусских исследователей, но и японского, Коджи Мориты (Morita 2004: 151–159) и немецкого, Бйорна Вимера (Wiemer 2003b: 227–237; Wiemer, Erker 2011: 184–216, Вимер 2014: 334–356), и американского, Курта Вулхайзера (Woolhiser 2008: 245–264).

 $^{^{20}}$ Относятся к гродненско-барановичской группе северо-западного диалекта белорусского языка.

²¹ Ввиду ограничения объема статьи представим только наиболее характерные из них, не останавливаясь на подробном анализе.

но на формально-семантические, фонетически и (или) морфологически адаптированные заимствования.

Лексемы с [ϕ] после твердого согласного > [ϕ]/[ϕ]: абиэнгі, пол. овседі, бел. абиугі, піет. ϕ 2 дэнтка, пол. ϕ 4 бел. гумовая камера; ϕ 4 рэндзлі, пол. ϕ 5 бел. махры, піет. ϕ 7 гістемь рэндзлі, пол. ϕ 7 бел. махры, піет. ϕ 8 гістемь рэндзлі, пол. ϕ 8 бел. махры, піет. ϕ 9 гістемь рэндзлі, пол. ϕ 9 бел. махры, піет. ϕ 9 гістемь рэндзлі, пол. ϕ 9 бел. махры, піет.

Лексемы с [а] после твердого согласного > [on]/[an]: $\partial poнz$, пол. drag, бел. жэрдка; zahcep, пол. gasior, бел. bymns; xapohea, пол. choragiew, бел. cush xapyeba.

Лексемы с [а] после мягкого согласного [on]: $u\ddot{e}$ нг, пол. ciag, бел. ugra. Адаптация лексем с $[rz] > [\breve{z}]/[r]$: $mom\partial map$, пол. $mo\acute{z}dzierz$, бел. cmynka; nom, nom

Адаптация лексем с [о]: самаход, пол. samochód, бел. аўтамабіль.

Адаптация лексем под влиянием «аканья»: [o], [e] > [a]: апона, пол. оропа, бел. шына, пакрышка; валавіна, пол. wołowina, бел. ялавічына; жалязка, пол. \dot{z} elazko, бел. прас.

Адаптация лексем под влиянием «дзеканья»: pыдзель, пол. rydel, бел. pыдлёўка, жалязняк.

Адаптация консонантных групп: *алінгерка*, пол. рег. *algierka* 'длинный кафтан'.

Лексемы с группой -dl-: матаідло, пол. диал. motowidlo 'приспособление для накручивания нити на моток', бел. матавіла.

Фонетические адаптации: бібула, пол. bibula, бел. прамакатка, латинск. Bibulous; галька, пол. halka, бел. ніжняя спадніца.

Фонетические адаптации с семантическим изменением: *кушнерка* 'меховая шапка' (пол. *kuśnierka* 'женщина, занимающаяся изготовлением шапок', уст. 'żona kuśnierza').

Фонетические адаптации с изменением рода: *раварыст*, пол. *rowerzy*sta, бел. веласіпедзіст; бакеш, пол. bekiesza, бел. паліто, венг. Bekeš.

Польский язык потомков шляхты имеет следующие особенности.

Фонетика

Отсутствие стабильного чередования [ę]/[ą] в словообразовательных основах: przywięzuje, skępiec, piqtrowy; вариативность шипящих [ś]–[s]–[sz], [z]–[ź] в консонантных группах: boleśny, poszlę, wisznia, źmiana, źmienila, źnieścć, na źmiana; coxpanenue мягкого [l]: <math>kil ometr, l as; naбиализованный <math>o между средним и верхним подъемом: duxufka, gnuj, spujrzala; gorkoleta, przywioza pr

ного [1]: zostawila, pojechala, wziela, przeszły, trzymalam się; архаичное произношение некоторых лексем: sumnienie, dosić, drzewniany. Отмечается также влияние белорусского субстрата: аканье: tyla, spacyjalna, haktary, dalikatny, nawat, alegancko, wasele; полумягкое произношение мягких согласных [ś], [ź], [ć], [dź] как [s'], [z'], [dz'] (дзеканье, цеканье): dz'ec'i, pac'orki; мягкое произношение chy, che как chi, chie: chitry, chiba; звонкий гортанный [h]: herbowa, hdzie; окситоническое ударение в русских заимствованиях: okolica, barachło, dawaj.

Морфология

Архаизмы: несклоняемые формы прилагательного в составном именном сказуемом: wszystko było gotowo, ono było zrobiono; окончание -m в 1 pl. настоящего времени: idziem, postawim, bawim się; формы плюсквамперфекта: przyszedłem był do jego, on był zaczął. Влияние белорусского языка проявляется в словообразовании: деминутивы: -eńki: cicheńki, maleńki, cienieńki, kochanieńka; -ek: czaborek, jagniaczek; формы местоимений: ktość, gdzieść; степени сравнения наречий: więc 'więcej' (бел. больш); флексии: -u Dat sg. musc.: wuju, mężu; -ów Gen pl. существительных: meblów, weselów; отсутствии различия мужской и немужской формы: kobiety pozostawali, ogórki byli; отсутствии энклитических форм личных местоимений: daj mnie ta książka, pokażę tobie mieszkanie; отсутствии эпентетического [n] в местоимениях после предлога в 3 л.: przyszli do jego, dla jego daje, z imi bawili się; отсутствии личных окончаний в глаголах прошедшего времени: ja jeździla, my pojechali; деепричастиях совершенного вида на -wszy, преимущественно в перфекте и плюсквамперфекте: on zrobiwszy, były powyjeżdżawszy; случаях возвратности глаголов, невозвратных в литературном польском языке: zostali się, wrócił się.

Синтаксис

Конструкции dla c Gen вместо Dat: dać dla konia, mówila dla mnie, przyniosła dla mnie; форма с Gen у существительных немужской формы в функции Acc: weź ołówka, wyciąga tego zęba; притяжательные конструкции: jest и mnie, и niego byla; конструкции без связки (elipsa copuli): biedny ja, oni ubogie; конгруэнтность числительных: trzy braty, dwa synów, było siedem braci; сравнительные конструкции типа: więc jak trzy, starsza na dwa lata.

Лексика

Для данного социолекта характерно значительное количество архаизмов 22 и незначительное — заимствований. Среди русскоязычных заимствований преобладает «советская» лексика: *oktiabrskije* 'октябрьские', *osztrafo*-

²² Представлены в статье [Konczewska 2018: 355–367].

wać 'оштрафовать', putiowka 'путевка', sobranije 'собрание', zastawiać 'заставлять'. Есть немногочисленные заимствования из литовского языка: krusznia (< krū̃snis) 'груда камней на поле', kulsza (< kùlšis) 'бедро' и белорусского: kwatera ($< \kappaватэра$), musi (< myciųь), odzienie (< adзенне), pościłka (< nocųiлка).

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что в исследуемом ареале преобладает продуктивный билингвизм с диглоссией. Выбор языка в ситуации билингвизма и форма его существования в ситуации диглоссии зависят от сферы (хозяйственная деятельность, религия) и среды (шляхта / крестьяне, католическая деревня / православная) функционирования языка. Информаторы пользуются собственными идиомами для определения актов речи: «па-польску», «па-просту», «па-беларуску». Необходимо отметить неравномерную языковую интерференцию с преобладанием полонизмов и архаичность социолекта потомков шляхты. В целом социолингвистическую ситуацию исследуемого ареала можно определить как экзоглоссную, несбалансированную, четырехкомпонентную (Польша / Беларусь; околица / деревня; шляхта / крестьяне; православные / католики).

Наш опыт полевых исследований позволяет утверждать, что изучение языковых контактов в ареалах со сложной социолингвистической ситуацией²³ будет более продуктивно при условии объединения усилий как диалектологов, занимающихся изучением всех существующих в данном ареале говоров, так и историков, этнологов и социологов. Это позволит получить в меру адекватную картину языковой ситуации и избежать ошибок, являющихся следствием не всегда правильно выбранной методологии. Эльжбета Смулкова, имеющая богатый опыт диалектологических исследований на пограничье, что позволило ей создать авторскую методику, считает, что интердисциплинарность должна быть основана на «действительном сотрудничестве представителей различных наук, заинтересованных пограничьем на всех этапах исследований, начиная от их подготовки и до публикации результатов» [Smułkowa, Engelking 2007: 18]. Нельзя не согласиться с ее утверждением о необычайной важности того, чтобы исследователи слушали не только своих информаторов во время экспедиций, но и друг друга.

²³ Предложения методов изучения языковых контактов на балто-славянском пограничье представил Бйорн Вимер [Wiemer 2003a: 212–229]. О состоянии изучения диалектологического наследия Гродненщины см. [Канчэўская 2017: 315–336].

Литература

- Аврорин 1975 *Аврорин В. А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка. Ленинград, 1975.
- Вимер 2014 *Вимер Б*. Методические заметки к исследованию смешанных белорусских говоров, часто именуемых «мовой простой» // Балто-славянские исследования. М., 2014. Т. XIX. С. 334–356.
- Гавранек 1972 *Гавранек Б. К.* К проблематике смешения языков // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6. С. 94–111.
- Гурская 2012 *Гурская Ю*. Древние фамилии в онимических системах славянских и балтийских языков // Respectus Philologicus. Vilnius, 2012. Т. 21 (26). С. 142–150.
- Гурская 2014 *Гурская Ю*. Деантропонимные топонимы белорусско-польского пограничья // Acta Baltico-Slavica. Warszawa, 2014. T. 38. C. 182–206.
- Дивина 2007 Дивина О. Белорусско-польское пограничье: коммуникативные коды на территории Беларуси и Польши // Pogranicza Białorusi w perspektywie interdyscyplinarnej / pod red. E Smułkowej, A. Engelking. Warszawa, 2007. С. 355–368.
- Канчэўская 2017 *Канчэўская К*. Да пытання даследавання дыялекталагічнай спадчыны Гродзеншчыны // Białoruś w dyskursie naukowym. Lingwistyka, socjologia, politologia / pod red. R. Kalety. Warszawa, 2017. S. 315–336.
- Крысин 2004 *Крысин Л. П.* Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М., 2004. С. 468–474.
- Снегирева 2013 *Снегирева Н.* Северо-восточные ареальные инновации в польском языке // Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego. Warszawa, 2013. Т. 2. С. 50–71.
- Стариченок 2011 *Стариченок В. Д.* Языковые контакты в белорусско-литовском пограничье // Вучоныя запіскі. Сумеснае выданне БДПУ і БСУ. Серыя мовы і літаратуры. Серыя грамадска-палітычных навук 2. Минск; Баку, 2011. С. 61–70.
- Чекман 1982 *Чекман В. Н.* К социолингвистической характеристике польских говоров белорусско-литовского пограничья // Studia nad polszczyzną kresową / pod red. J. Riegera. Warszawa, 1982. T. 1. C. 123–138.
- Щерба 1974 *Щерба Л. В.* К вопросу о двуязычии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Ferguson 1959 Ferguson Ch. Diglossia // Word. 1959. № 15. S. 325–340.
- Fishman 1965 Fishman J. A. Who Speaks What Language to Whom and When? // La Linguistique. 1965. T. 1 (2). S. 67–88.
- Fishman 1967 *Fishman J. A.* Bilingualism with and without diglossia, diglossia with and without bilingualism // Journal of Social Issues. 1967. Vol. 23, nr 2. S. 29–38.
- Hammersley, Atkinson 2000 *Hammersley M., Atkinson P.* Metody badań terenowych. Poznań, 2000.
- Haugen 1966 Haugen E. The Language Gap in Scandinavia // Sociological Inquiry. London, 1966. T. 36. S. 280–297.
- Janowicz 1993 *Janowicz S.* Terra incognita: Białoruś. Białystok, 1993.
- Jakubowski 1935 Jakubowski J. Powiat grodzieński w w. XVI (mapa z tekstem) // Prace Komisji Atlasu Historycznego Polski. Z. III. Polska Akademia Umiejętności. Kraków, 1935. S. 99–114.

- Kiss 2009 Kiss Cs. G. Lekcja Europy Środkowej. Eseje i szkice. Kraków, 2009.
- Konczewska 2015 Konczewska K. Współczesna sytuacja socjolingwistyczna na Grodzieńszczyźnie // Socjolingwistyka. Kraków, 2015. T. XXIX. S. 149–169.
- Konczewska 2016 *Konczewska K.* Zróżnicowanie polskich gwar Grodzieńszczyzny. Polszczyzna "szlachty zaindurskiej" // Język Polski. 2016. T. XCVI (3). S. 43–57.
- Konczewska 2018 *Konczewska K.* Archaizmy leksykalne współczesnej polszczyzny grodzieńskiej (socjolektu szlacheckiego) // Historia języka w XXI wieku. Stan i perspektywy / pod red. M. Pastuch, M. Siuciak. Katowice, 2018. S. 355–367.
- Konczewska 2019 Konczewska K. Szlachta grodzieńska na początku XXI wieku język i tożsamość. Zarys problematyki // LingVaria. Kraków, 2019. T. XIV, 1 (27). S. 183–199.
- Konczewska 2021 *Konczewska K*. Polacy i język polski na Grodzieńszczyźnie. Kraków, 2021.
- Magris 2016 Magris C. O demokracji, pamięci i Europie Środkowej. Kraków, 2016.
- Morita 2004 *Morita K.* "Mowa prosta" na Kresach Wschodnich w aspekcie historycznym // Kultura i świadomość etniczna Polaków na Wschodzie. Tradycja i współczesność / pod red. A. Kuczyńskiego, M. Michalskiej. Wrocław, 2004. S. 151–159.
- Nikitorowicz 2000 *Nikitorowicz J.* Młodzież pogranicza kulturowego Polski, Białorusi i Ukrainy wobec integracji europejskiej. Białystok, 2000.
- Romer 1920 Romer E. Prace geograficzne, Zeszyt VII. Spis ludności na terenach administrowanych przez zarząd cywilny ziem wschodnich (grudzień 1919) z mapą. Lwów, 1920.
- Rusek 2003 *Rusek H.* Tożsamość pogranicza. Wprowadzenie // Archiwum etnograficzne. Wrocław, 2003. T. 41. S. 8–10.
- Rykiel 2011 *Rykiel Z.* Koncepcje pogranicza i peryferii w socjologii i geografii // Peryferie i pogranicza. O potrzebie różnorodności / pod red. B. Jałowieckiego, S. Kapralskiego. Warszawa, 2011. S. 55–64.
- Smułkowa, Engelking 2007 *Smułkowa E., Engelking A.* Uwagi o metodzie badań terenowych na pograniczach Białorusi / Pogranicza Białorusi w perspektywie interdyscyplinarnej / pod red. E. Smułkowej, A. Engelking, Warszawa, 2007. S. 15–18.
- Straczuk 2006 *Straczuk J.* Cmentarz i stół. Pogranicze prawosławno-katolickie w Polsce i na Białorusi. Wrocław, 2006.
- Thije 2013 *Thije J. D.* Lingua Receptiva (LaRa) // International Journal of Multilingualism. London, 2013. T. 10. S. 137–139.
- Thomason 2001 *Thomason S.* Language contact. Edinburgh, 2001.
- Wiemer 2003a *Wiemer B.* Zur Verbindung dialektologischer, soziolinguistischer und typologischer Methoden in der Sprachkontaktforschung (am Beispiel slavischer und litauischer Varietäten in Nordostpolen, Litauen und Wießrußland // Zeitschrift für Slawistik. 2003. T. 48 (2). S. 212–229.
- Wiemer 2003b *Wiemer B.* Mowa prosta: Präliminaria zu einer strukturellen Beschreibung // Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV) 6 / pod red. R. Blankenhorn, J. Błaszczak, R. Marzari. Munich, 2003. S. 227–237.
- Wiemer, Erker 2011 *Wiemer B., Erker O.* Manifestations of areal convergence in rural Belarusian spoken in the Baltic-Slavic contact zone // Journal of Language Contact. 2011. T. 4 (2). S. 184–216.

- Weinreich 1953 Weinreich U. Languages in contact, findings and problems. New York, 1953.
- Wiśniewski 1964 *Wiśniewski J.* Rozwój osadnictwa na pograniczu polsko-rusko-litewskim od końca XIV do połowy XVII wieku // Acta Baltico-Slavica. Białystok, 1964. T. 1. S. 115–135.
- Wróblewski 2007 *Wróblewski P.* Mobilizacja i konflikt etniczny. Miejsca święte mniejszości narodowych w Polsce. Warszawa, 2007.
- Woolhiser 2008 *Woolhiser C.* Convergent and Divergent Innovation in the Belarusian Dialects of the Bialystok and Hrodna Regions: A Sociolinguistic Border Impact Study // American Contributions to the 14th International Congress of Slavists, Ohrid, September 2008 / eds. C. Y. Bethin, D. M. Bethea. Bloomington, 2008. V. I: Linguistics. S. 245–264.
- Zajas 2012 *Zajas K.* Widnokręgi literatury // Na pograniczach literatury / pod red. J. Fazana, K. Zajasa. Kraków, 2012. S. 5–13.

Summary

Katarzyna Konczewska

Cross-border Polish-Belarusian Language Contacts Based on Field Research Materials

The paper presents language contacts in the Polish-Belarusian border area based on the intermediate results of field research in a poorly studied locus conducted in 2015-2019. Uneven processes of settlement of this territory, historical events and political circumstances influenced the formation in the studied area complicated sociolinguistic situation. Currently, representatives of different nationalities and faiths live in here, as well as have been preserved settlements of small-land gentry (szlachta). The author of the paper characterizes the sociolinguistic situation of the studied locus, presents its language codes and gives examples of dialect texts.

Keywords: Polish-Belarusian language contacts, methodology of dialect research, Polish-Belarusian borderland, Grodno Region

ПРИЛОЖЕНИЕ

Диалектный материал²⁴

Белорусская православная деревня: Семеновка (Сямёнаўка) (перед войной жили на сегодняшней польской стороне, в деревне Юровляны, после войны были насильно вывезены):

Колькі лет прашло... Граніца недалёка хаты ішла. Акурат было пасля вайны. Усю вёску нас выгналі. Нас усіх павыкідалі істуль, усіх да аднаго чалавека. Казалі, шэйсят пяць чалавек было. Некаторых людзей чераз вокны выкідалі. Самі не хацелі. Прывязлі ў хату, тут былі пустыя, што людзі павыягджалі ў Польшу, і пасялілі нас. І мы дзесяць лет у ёй жылі, там людзі добрыя былі, польскія, мы былі праваслаўныя. А потым бацькі купілі хату і гарод, і мы пераехалі, і жылі у сваёй. Да калхоза конь был свой і зямля, а потым забралі, усё пашло пад калхоз, трэба было здаваць гасударству. У калхозе давалі соткі на картошку. Была вялікая вёска, а ціпер нас асталось толькі чатыры чалавекі, больш няма нікога, усе нашы там ляжаць на горцы²⁵.

Польская православная деревня: Гаркавичи (Harkawicze)

Гаркавічы была багатая вёска. У кожнага была зямля, з зямлі жылі. Усяляк было (зямлі), і па дзесяць, і па дваццаць, усялякія былі, і бедныя, і багатыя. Найменш было шэсць гектараў, а найбольш дваццаць. Бацькі працавалі, а мы памагалі, кароў пасвілі. Коньмі рабілі. Трэба было ўсё мець, многа прадавалі. Хто як даваў рады, так рабілі. А цяпер самаход усё прывозіць, і хлеб, і да хлеба. Тут ёсць пару гаспадароў, што каровы маюць, адзін хлопец мае дзве, а другі дзевяць. Тут сядліско толькі засталося, дзеці паехалі ў Беласток, там лягчэй жыць, чым на вёсцы. Да мяне прыязджаюць, прывозяць, што трэбо, на зіму забіраюць, на весну ізноў прывозяць.

*

Велькая вёска была Гаркавічы. Адзін буў старэйшы за мяне чалавек, радзіўся перад вайной, то казаў, што шэйсот чалавек пред вайной было. А па вайне прыехаў такі называлі яго паўнамочаны, а што гэта значыць, не знаю. Ну і нагаварваў, што будзе велькая дабрата, як паедуць в Расею. А гдзе захочаш, там сядзеш, хочаш у горадзе, хочаш у вёсцы. Усе згадзіліся быць у вёсцы. Ну вось тут у гэтай хаце, што ў Вас за плячыма, яшчэ

²⁴ Оригинальные тексты, записанные на диктофон, приводятся в полуорфографической записи.

²⁵ Кладбище сразу за деревней, на пригорке.

я з мамай хадзіў на пасядушкі. Майго бацька забралі на цвічэня прад вайною, гэта значыць, як рускія прыйшлі, сорак каторысць рок, я меў два з паловай лет, і не вярнуўся.

Польская католическая деревня: Минковцы (Minkowce)

Zaczynali pracować od siedmiu lat. Mój syn też od siedmiu lat zaczął. Bo tak: krowy z rana to nie, bo do szkoły. A po południu przychodził ze szkoły i za krowami, a krowy były daleko, a droga nie na wprost, a kręta. I tak dzień u dzień pas krowy. Deszcz ni deszcz, pioruny, grzmoty. I mnie stawiali w ten owies malutką. Nie tak jak dzisiaj wczasy i rowerki, i wakacje. Wszystko koniem, koniem uprawiali. Sadzili żyto, owies, jęczmień, wszystko robili swoje, groch siali. Pęczak był swój. Była taka stupa drewniana, jakby w pniu, dziura i taki gruby kij i tak się tłukło i ten pęczak wychodził. A potem do młyna jeździli. Każdy musiał mieć konia i krowy. A potem jak wszystko zabrali, to zostali hołoty jak stoim. Ja dopatrzyła tatę i mamę jak mogłam. Kurki miałam, świniaka spoczątku. Ziemi już mało było, hektar, to wszystkiego potrochu. Takie oto życie było. Bili się jak ryba o lód. Sierpami żęli i kosami kosili. Ja jeszcze na zarobki chodziła z sierpem, jak świtało. To byli cuda już, jak kosą. A moja mama i ja sierpem.

Белорусская католическая деревня: Остапковщина (Астапкаўшчына)

Oj tu moja pani już nie ma nikogo swoich. Duża wieś byla, bolsz sta domów, a teraz o nikogo nie ma. Ot daczniki kuplajut domy. Tam na końcu jeszcze pan Jan żyje, osiemdziesiąt lat ma, ale on nie nasz, on za Teklaj w prymy przyszedl. A ta Adela też nie nasza, ona tu wyszła za Ziutaka. Kiedyś wesolo bylo, na tańcy zbiralisa ot tu nad rzeką po pracy. A potem przyszli pierwsze sawiety i zabrali ot tam sołtysa, kazali kułak. Cała rodzina zabrali, to oni już nie wrócili. A potem Niemcy byli. Nie u nas nie dużo, u nas Żydów nie było, oni tam dalej. A jak drugie sawiety byli, to zabrali tu Tadzika, jego Niemcy postawili za sołtysa. To on potem tam jak posiedział w łagrach, to pojechał do Polski, a jego żona z dzieckiem tu żyła, a potem do niego do Polski pojechała.

Белорусская шляхетская околица: Петельчицы (Пяцельчыцы)

Jestem pochodzenia szlacheckiego, wysokiego, polskiego bardzo. Nasza miejscowość my wszyscy lubili po polsku, pięknie rozmawiali. Tu na wsiach są Polaki, ale takie białoruskie Polaki. U nich takie słowa wywrotne są, nie szlacheckie. U nich takie proste słowa: "zausze", "pajszou", "kala bregu",

takie wywrotne słowa. Nie powie "krowa" czy "krówka", nie ma mowy, a "karawe". A u nas w Zaniewiczach, to tam już inteligencja, to co innego. Petelczyce też okolica, Poczobuty taka słynna miejscowość, Ignatowicze, Ejsmonte Małe. A wsi tutaj, to Wiśniówka, oni tam zupełnie pod granicą mieszkają, tam druty zaraz za ogrodami, tam takie białoruskie ludzie, jak i za granicą jest, o tu Kuźnice. W okolicach pięknie po polsku rozmawiają. Chociaż teraz też nie zawsze pochwalić można. Młodzież czasem w ogóle nijaka robi się, pozarzucali się, z cudzymi pobierają, mówią tak: "Aby czołowiek dobry był, aby dobrze żyć było", nie pilnują się. Córka mojej siostry wyjechawszy jest do pracy, ale umie po polsku, matka nauczyła. Tylko teraz wiadomo jak w pracy, trzeba po rosyjsku. A tu w okolicy dookoła były wsi, no to tu były polskie kobiety, ale tak po prostu mówili: nie "podjadł", ale "padjeu", nie "nagotowała", a "nawaryła", nie "pójdziem paść", a "pojdzem paswic' karowy". Nie takie kulturniejsze, delikatniejsze słówka, a takie o.

*

Swoje lepsze. Mleczko jakie chcesz, śmietanka, masełko. Pyszne masełko było swoje, takie żółto, ładne. Robili tak: śmietana stawiano takie banieczki dziesięć litrów, w dole był kraniczek, wtedy lepiej odbierała się śmietana. Mleko zejdzie, widzisz tam w okienku, że już śmietana poszła, to zlewasz do słoika. Zbierasz żeby więcej, tam sześć litrów. I była taka bojka drewniana, jak beczułka, wysokowata, dębowa przeważnie, bo zapachu nie zbiera. Zakrywało się i ręcznie biło się, zależy jak gęściejsza śmietana i w cieplejszym, to szybko tak, gdzieś z pół godziny. Masło jak zbije się, to wtedy tak z wierzchu będzie. Jeżeli zimna taka była śmietana to wtedy masło takimi krupkami, to troszkę wlewasz gorącej wody, kubeczek-pół kubeczka i ono wtedy cieplejsze pójdzie do wierzcha. Wtedy nachylisz i ta maślanka zleje się, albo pili ją, albo świniakom wylewali. A masełko do takich foremek drewnianych kładli, takie po pół kilo może. A twaróg to odbierze się śmietana, a te mleko stawia się, by skwaśniało. Jak skwaśnieje to wiadro mleka, to wtenczas w rondel, stawisz w piec, żeby wytopiło się. Szyli klinki takie lniane, to do takiego klinka, trocha przysolisz do smaku, przyłoży się czymś i gotowy serek.

Польская шляхетская околица: Уснаж Гурны (Usnarz Górny)

Mój pradziadek pochodził z niezamożnej rodziny z Rzepowicz²⁶. Ale ożenił się był z panną tu z Dolnego Usnarza, ta miała gospodarstwo duże, i jeszcze miała

 $^{^{26}}$ В настоящее время находится на белорусской территории, сразу же за приграничной нейтральной полосой.

brata takiego małoletniego. To przez ileś lat pradziadek tam pogospodarzył, jakąś tam sumę pieniędzy zaoszczędził. Później już dorósł ten jego żony brat, musiał ustąpić z tego gospodarstwa. A tu akurat było po powstaniu styczniowym, i on zakupił ten cały majątek z zabudowaniami. I miał pięciu synów, a kiedyś było tak, że musiał pannę wziąć z posagiem. I było powiedziane, że każdy ma przynieść tysiąc rubli posagu, to było dużo pieniądze. I za te pieniądze nie przehulać, ale kupić ziemi kawałek. No to czterech posłuchało, ożeniło się, a piąty nie posłuchał, bo jego żona była biedna, służąca była, no to na statek i uciekł do Ameryki. I tak jeszcze dokupywali tej ziemi, dwieście hektary było jakoby, komasacja przyszła w 1938, to rozdrobnili te gospodarstwa dla dzieci wszystkich. U mnie tu chyba piętnaście hektary z bratem. Trocha dokupiłasia tutaj ziemi. Ja tu dokupił i na syna przekazał.